

поляков: ст.-венг. *lengven* > венг. *lengyel*, само это племя должно было занимать наиболее южные районы упомянутой пограничной полосы, так как только тогда оно могло, с точки зрения венгров, представлять всю совокупность прапольских племен. Помимо этого, венгры, за время пребывания в Перемышльской земле сосуществовали с тамошним славянским племенем, от которого без сомнения переняли различие между восточными и западными славянами. Не оно ли способствовало появлению венгерского названия поляков? Намеченную здесь проблему прапольских племен на восточной периферии их расселения я оставляю для рассмотрения в очередной статье этой серии.

¹⁴ *Lowmiański H. Początki Polski. t. II. 96—99.*

¹⁵ Там же.

¹⁶ Аналогичное искажение можно допустить для написания *уличи* у Нестора, если оно представляет форму **uhliči* из *угличи* (параллельное написание, засвидетельствованное в Повести временных лет). Но не исключены и другие объяснения этой дублетности, например мысль о заимствовании иноязычного субстрата или суперстрата (*Трубачев О.Н.* О племенном названии *уличи* // ВСЯ. 1961, 186—190) или выведение из праформы праслав. **qdlitji* (ср. запись Баварского географа середины IX в.: *Unlizi*, фиксирующую носовой звук, а возможно, также упрощение группы согласных **dl*), причем распространенная форма *угличи* могла происходить из Новгорода, поскольку как раз Северная Русь сохраняет праслав. **dl* в форме *gl*. Недостатком этой последней гипотезы является неясная основа деривации, что совсем не уливительно, поскольку в свете праславянской системы словообразования этноним **qdlitji* следует понимать как потомков племени **qdljane*, переместившихся за пределы первоначального ареала (*Мосзыński L.* *Głos w dyskusji nad pochodzeniem nazwy plemiennej Obodrzyków* 1979; *Z zagadnień słowotwórstwa prasłowiańskich nazw plemiennych* // *Etnogeneza i topogeneza Słowian. W-wa, 1980. 71—72.*

¹⁷ *Moszyński L.* *Głos w dyskusji nad pochodzeniem nazwy plemiennej Obodrzyków* // *Opuscula Polono-slavica. Wrocław etc. 1979. 242—243; Idem. Z zagadnień słowotwórstwa prasłowiańskich nazw plemiennych.* // *Etnogeneza i topogeneza Słowian. W-wa, 1980. 71—72.*

¹⁸ *Georgakas D.J.* Ichthyological terms for the sturgeon and etymology of the international terms Botargo, Caviars and congeners. A linguistic-philological and cultural-historical study // *Pragmateiai tes Akademias Athenon, t. 13. Athens, 1978, 124—125.*

¹⁹ *Рудницкий Я.Б.* [Рец.:], *Georgakas D.J.* Ichthyological terms ... // *Этимология* 1980. М., 1982, 177—179.

²⁰ Там же, 178. Примечание О.Н. Трубачева.

Перевод с польского *О.Н. Трубачева*

Т.В. Горячева

К СЕМАНТИКЕ И ЭТИМОЛОГИИ СЛАВЯНСКИХ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ И АСТРОНОМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

В данной статье речь пойдет об этимологии и некоторых семантических моделях названий пасмурного неба, дождя, а также лунных фаз.

Еще А. Афанасьев в своих "Поэтических воззрениях славян на природу" писал: "В древнейших поэтических представлениях облака уподоблялись небесным покровам (тканям), волосам, шерсти, пряже..."¹. Это находит свое подтверждение в лексике, относящейся к сфере метеорологии в славянских языках. Так, в русских (архангельских) говорах слово *волосán* значит 'туча, облако удлиненной формы'. "На небе дождливы волосáны, долги такі пóлосы" (Арханг. словарь 5,

52); там же записан такой контекст: "Волосатые облака идут г дождю" (Там же, 53). В кашубско-словинском языке записано слово *powłósówka* в значении 'облака, разорванные на полосы, похожие на волосы' (Suchta IV, 151), а также глагол *włosovac* — об облаках 'разрываться на полосы' "То zis włosje" (Там же, VI, 92). В самоковском говоре болгарского языка глагол *бучавим се* значит 'спутываться о волосах', *бучави се* — 'покрываться облаками, портиться (о погоде)²'. Ср. также словен. *kundravo vreme* 'пасмурная погода' (Pleteršnik I, 487), у С. Есенина — "Пойду по белым кудрям дня..."

Облака могут быть сравнимы также с ворсом, бархатом, шерстью; в украинском языке есть глагол *заворсити*: "Заворсилося на дворе" — 'Небо в тучах' (Гринченко II, 22). В ярославских говорах записано слово *бархаточка* в значении 'облачко' (Филин 2, 123). На связь обозначений в индоевропейских языках облачного неба с шерстью, пухом указывает лат. *lana*, имеющее значения 'шерсть (преимущественно овечья), пряжа; растительный пух, хлопок; легкие облака "баранки"³'. Ср. русское *барашки* 'облака'. Пасмурное небо может не только быть покрытым волосами, ворсом, но и может порастать травой. Так, в русских говорах на территории Мордовской АССР есть глагол *замуравливать* 'покрываться тучами, облаками (о небе)' (Морлов. словарь Д-И, 85—86), образованный от *мурава* 'трава'. Ср. кашуб.-словин. *kvítnoc* 'собираться (о дожде)': *Dešč kvítne*, *bo są b'aranki g'ozxozp*. *Xmurè kvítne*, *mze dešč* (Suchta II, 316). В словенском языке *nebò svetè* — 'небо покрыто барашками' (Хостник, 140). Интересно, что кашубы приписывали воде свойства растений, так, например, они верили, что перед праздником святого Яна вода цветет не только в прудах, реках и озерах, но даже море цветет (Suchta VI, 94). Ср. также название первого снега — *первая роица* (записано мною в Подмоскowie).

Дождь также может уподобляться семенам растений, например, кашуб.-словин. *vřolèc* значит 'моросить'. Сыхта отмечает, что, согласно народной этимологии, это намек (аллюзия) на легкие семена вереска, переносимые ветром (Suchta VI, 112).

В русском языке некоторые обозначения пасмурного неба, дождя, росы, измороси восходят к праслав. **тхъ* 'мох'. Так, в архангельских говорах записано слово *мухориться* в значении 'пасмурнеть' (Подвысоцкий, 94) которое М. Фасмер связывает с *мох* (Фасмер III, 19); сюда же читин. *мухриться* 'хмуриться (о небе)' (Филин 19, 39). К праслав. **тхъ* в русском языке восходят: костр. *моха́* 'мелкий дождь' (Картотека СТЭ), белозер. *пáмха* 'изморось'⁴, *пóмоха* 'мгла, туман, горькая роса или пар, вредящий хлебу' (Даль² III, 275), сюда же блр. (гомел. *имізі́ль* 'дождь (мелкий)' и забайк. *замізі́льничать* 'начаться осени, листопаду' (Элиасов 125), а также подмоск. *заміі́ть* 'засыпать, замести снегом' (Иванова. Подмоск. 156).

Здесь следует отметить наблюдающийся в индоевропейских языках семантический переход 'влага' → 'плесень, мох'. Ср., например, с.-хорв. *вўга* 'плесень' (< праслав. **вўга* 'влага') (РСА III, 114), а также восходящие к и.-е. *теи-*, *тецэ-*, *ти* 'влажный, гнилой, нечистая жилкость и т.д.' (с гуттуральным формантом) норв. диал. *musk*

'пыль, мелкий дождь' и дат. диал. *musk* 'плесень', лат. *muscus* 'мох' (Pokorný I, 742). К и.-е. *meus-, musos* (< и.-е. *meu-, meuz-, mī* 'влажный, гнилой и т.д.') восходит и праслав. **тъхъ* 'мох' (Там же).

В родопских говорах болгарского языка записан глагол *мушии* 'идти (о дожде, снеге)'⁶, который, по мнению Ж.Ж. Варбот, вместе с чеш. морав. *zamoušeno na dejšč* 'пасмурно к дождю', *stouši se* 'темнеет' (сюда также *zasmoušely den*) восходит к праслав. **mušiti* с исходным значением 'колоть, бодать, пихать, совать' и вторичными значениями, распределенными по диалектам: 'затыкать; прикрывать; стаскивать; моросить; хмуриться', от которого образованы также болг. литер. *муша* 'колоть, бодать, совать', родоп. *смущива са* 'стаскиваться и т.д.'⁷ Однако, можно предположить, что перечисленные выше чешские (моравские) лексемы, а также родоп. *мушии* 'идти (о дожде, снеге)' родственны праслав. **тъхъ* 'мох', и их корневой вокализм *-и-* представляет собой ступень чередования по отношению к его корневому гласному *-ъ-*. Приведенный выше глагол *мухориться* 'пасмурнеть', предположительно связываемый Фасмером с *мох*, позволяет установить семантическую модель 'покрываться, порастать мохом, космами' (лошадь с рыла *мухра* (перм.) 'космата' — Даль² II, 363) — 'пасмурнеть' (о небе). Ср. также болг. родоп. *мушии* 'идти (о дожде, снеге)' и костр. *моха* 'мелкий дождь', подмоск. *замышитъ* 'засыпать, замести снегом'.

В вологодских говорах записан глагол *мушит* 'тошнит, есть позыв к рвоте'⁸. Его, вероятно, можно связать с болг. *муханатий* 'брезгливый' (Геров 3, 93), кашуб.-словин. **měšlac*, представленном в префиксальном *věměšlac* 'быть прихотливым в еде' (Sychta VII, 165), макед. разг. *мушичка* 'прихоть, каприз'. Рассмотрим с точки зрения семантики праслав. **brězgovati*, которое образовано от **brězgvъ* I, имеющего такие продолжения в славянских языках, как чеш. *břesk* м.р. 'терпкий вкус', укр. диал. *бреск* 'сырость, плесень' (ЭССЯ 3, 18—19). Итак, 'быть заплесневелым, с терпким вкусом' — 'вызывать брезгливость'. Если это так, то эта семантическая параллель позволяет включить в гнездо продолжений праслав. **тъхъ* (со ступенью чередования) приведенные выше слова, тем более, что в то же гнездо входит, по мнению некоторых этимологов, также со ступенью чередования болг. *муха* 'плесень' (Фасмер III, 19). Ср. также пск. *мохонь* 'плесень' (Картотека Псковского областного словаря). Близость значений 'брезгливый', 'быть прихотливым в еде', 'тошнить' и 'плесень' вполне допустима: Значение макед. разг. *мушичка* 'прихоть, каприз' развилось, возможно, из первоначального более конкретного '*брезгливость, прихоть в еде'. Ср. еще вят. *помыиться* 'умереть, скончаться' (Даль² III, 276) — т.е. 'покрыться мохом, плесенью.'

В русском языке существует также семантическая модель 'покрываться лохмотьями, клоками' — 'пасмурнеть (о небе)'.

Уже Афанасьев писал в "Поэтических воззрениях славян на природу" о представлении облаков одеждой бога, о "вержении с неба ветхого рубища" (т.е. тучи, разорванной громовыми ударами)⁹.

Так, в русских говорах глагол *кльичиться* (брян.) (от *клок*) кроме значения 'путаться' имеет значение 'закрываться тучами,

заволакиваться', т.е., очевидно, 'покрываться спутанными клоками облаков'. "Что-то небо седня клычится, будет дождь" (Филин 13, 317).

В Словаре русских говоров на территории Мордовской АССР представлен глагол *лухманить* в значении 'заволакиваться тучами, облаками (о небе)'. "Эх, лухманит што-тъ, навернь, дощ пайдёт!" (Мордов. словарь 3, 135). *Лухманить*, очевидно, образовано от существительного *лухман*. Даль в своем словаре приводит нижегородское *лухман* (вариант *лухмань*) в значении 'мужиковатый и олуховатый, грубый простак', тверское *лұхман* — 'простофиля' (Даль³ II, 711); во владимирских говорах *лұхман* — 'неловкий, нескладный, неуклюжий человек' (Филин 17, 208). Сюда же, видимо, относится арханг. *лухмяга* 'добрый, сострадательный человек, добряк' (Подвысоцкий 84), тобол. *лухметко* 'прозвище простоватого человека' (Филин 17, 208). От слова *лухман*, приведенного выше, образовано, вероятно тульск. *болухманный* 'бессмысленный, бестолковый', 'крикливый, беспокойный, крайне возбужденный, бестолковый' (Филин 3, 84), в котором можно вылелить экспрессивный префикс *бо-*, а также (с префиксом *бу-*) тамб. *булухман* 'озорник, шалун', *булухманиться* 'шалить, озорничать, баловаться', куйбыш. *булухманный* 'беспокойный, капризный', *булухманый* то же, *булухманиться* 'быть возбужденным, беспокойным, не сидеть на месте, ерзать' (Филин 3, 271), куйбыш. *булухманый* 'то же, что булухманый', *булухманиться* 'то же, что булухманиться' (Филин 3, 273).

Существ. *лұхман*, приведенное выше, вероятно, является экспрессивным вариантом *лохман* (о → у в безударном положении, как в перм., олон *мұросить* 'моросить' — Филин 18, 358), которое имеет в русском языке, в частности, такие значения: 'лохмотья, отрепья' (ряз., влад.), 'неряшливый человек; неряха' (Эст. ССР), 'простофиля, растяпа, дуралей' (псков., твер.) (Филин 17, 160—161). Здесь очевиден семантический переход 'лохматый' → 'неряшливый человек; неряха' → 'простофиля, растяпа, дуралей'. Ср. яросл. *мухрыско* 'простак' (Яросл. словарь 6, 69), *мухрыга* 'замухрыжка, замарашка, неряха' (Даль² II, 363), перм. *мухрā* 'космата' ("Лональ с рыла мухра" — Даль² II, 363), где наблюдается такое же семантическое изменение.

Существительное *лохман* является продолжением праславянского **loxmanъ*, производного от корня **lox-* с суф. *-manъ* (ЭССЯ 15, 250—251), которое является вариантом **lax* в **laxъ*, *laxtu* и т.д. и восходит к **laks-*, будучи родственным греч. *λακίς*, *λάκος*, далее — *λακίζω* 'разлирать', лат. *lacer* 'разодранный, разорванный', *lacerāre* 'драть, рвать'. "В основе этих слов лежит, по-видимому, и.е. **lek-* 'летать, быстро двигаться', ср. практическое единство греч. *λακτιζω* 'пинать ногой' и *λακίζω* 'разлирать', а также (что не менее существенно) реальный зрительный образ развещающихся, разлетающихся по ветру обывков одежды, лохмотьев" (ЭССЯ 14, 19).

Можно предположить, что слово *лухман* имело не зафиксированное в словарях значение '* лохмотья, отрепья', и тогда, *лухманить* 'заволакиваться тучами, облаками (о небе)' могло значить первоначально 'покрываться лохмотьями, отрепьями облаков, "разлетающихся

по ветру”’. Но вероятны и два других объяснения: *лухманить* могло первоначально значить ‘мутиться (о небе)’ < ‘становиться бестолковым (о человеке)’; или же ‘возбуждаться, беспокоиться (о человеке)’ — ‘заволакиваться гучами, облаками (о небе)’. Ср. кашуб.-словин. *rob'egnoc* ‘стать пасмурным’ *Pob'egle nebo* (Sychta IV, 94). Слово *олух* ‘простак, простофиля, ротозей; вялый, глуповатый, грубый, неуч’ (Даль³ II, 672) до сих пор не имеет однозначного этимологического решения. Представляется возможным выделить в нем префикс *о-* и слово *лох*, которое в русских диалектах значит: ‘дуралей, ротозей’ (псков.), ‘мужик’ (влад., костр.), ‘лентяй’ (волог). (Филин 17, 160); в *олух* — переход *о* → *у* в безударной позиции (экспрессивного характера). Сюда же твер. *лоха* ‘солоха, дура, глупая баба, дуриша, дурында’ (Доп. к Опыту 104), ворон. *лоха* ‘плут, мошенник’ (Филин 17, 160). В ЭССЯ для *лох*. *лоха* реконструируется праслав. форма **loхъ/*loxa* и приводится мнение М. Фасмера о связи *лоха* с **loшъ* ‘плохой’ (ЭССЯ 15, 255). Нельзя ли эти слова считать продолжениями праслав. **loх-* ‘лохмотья’, которое дало праслав. **loхту*, **loхтань* и т.д.; т.е. здесь возможен был переход от значения ‘лохмотья’ к значению ‘неряшливый человек’ и, затем, к значению ‘дурак, олух’. Ср. продолжение праслав. **laxъ* (варианта **loхъ*) — польск. *lach* ‘лохмотья, рваная одежда’ (Karłowicz III, 57—58).

На существование у русского *лох* первоначального значения ‘лохмы, лохмотья’, возможно, указывает прилаг. *лохоухий* (наряду с *лохмоухий*), а также *лоховес* (псков.) в значении ‘ротозей, разиня, вислоухий’ (Даль² II, 269). Ср. выражение *вислоухий олух* (там же, 672).

Рассмотрим теперь некоторые названия луны, ее фаз, состояния ее убывания.

В.И. Даль приводит в своем Словаре тамб. *шпяхта*, а также наречие *на -шпях* (и *нашпях*) в значении: ‘(о луне) убыль, на убыли, ущерб’. ”Месця на *шпях*, на *шпяхте*. Что-то скажет времечко на *шпях*, о погоде” (Даль³ IV, 1431). Во втором томе он дает наречие *нашпях* в значении ‘на рбстанях, на распути, на перекрестке’ (там же, II, 1300). Фасмер считает тамб. *шпяхта* ‘убыток, вред’, наречие *нашпях* ‘на убыль’ темным словом (Фасмер III, 476). Даль предполагает, что *шпяхта*, *нашпях* — образования от *спешить* (Даль³ IV, 1431).

Не исключая возможности заимствования, это трудное слово можно попытаться протимологизировать следующим образом: слово *шпяхта*, вероятно, возникло позднее, вычленившись из ставшего темным наречия *на -шпях*, приобрета затем *-та* таким же образом, каким, например, в слове *опорт* (из *опор*) ‘опор, прыть’ (Во весь *опорт* скакать, нестись. — Филин 23, 282) появилось *-т*.

Что же такое наречие *на -шпях*? Его, очевидно, можно поставить в один ряд с такими наречиями, как, например, *начасях* ‘в последние дни беременности; на сносях’ (твер. — Филин 20, 281) — от *час*, твер. *наглазках* ‘с глазу на глаз’ (Филин 19, 198), от *глазок*; ленингр. *наканунях* ‘накануне’ (Там же, 306), от *канун*; псков. *напоследях* под конец, в завершение всего, напоследок’ (Филин 20, 92), от *послед* и т.д.

В обозначениях фаз луны мы встречаем костр. *месяц на рогу* 'первая и последняя четверть луны', *месяц на укиде (на укидке)* 'месяц на ущербе', иркут. *месяц на исходе* то же (Филин 18, 132), вост.-сиб. *месяц наісполню* 'о полнолунии' (Там же, 19, 297).

Наречие на *-шпях* — название фазы убывания, ущерб месяца — может быть образовано от существительного **щеп(ь)* 'убывание, ущерб месяца', которое зафиксировано только в древнерусском языке: *щепь* = *щепь* 'ущерб (о луне)' "Нїѣ же дї бѣ луны, егла не моѣно быти щѣпѣ^м соскѣд^ню по еству", XVI в., а также *щепь* = *щепь* то же "Аще бы врема *щепомь*" (Срезневский III, 1616). Также у Срезневского находим *ущип* 'ущерб': "Бываеъ *ущипь* лнѣѣ дї и полдни и четверть" (Срезневский III, 1346). Соответствия древнерусскому *щ(е)ть(ь)* 'ущерб (о луне)' находим в сербохорватском *uštar* 'полнолуние', *uštaruti se* 'ущербиться, пойти на ущерб (о луне)' (Iveković-Broz II, 671), *ušba* 'полнолуние' (сокращенная форма из оуштьпѣба — там же, 692), также словен. *ščer, ščera* = *ščip* 'полнолуние' (собственно, месяц в 3/4 фазе) (Pleteršnik II, 619), *ščip* то же: *ščip je, o ščipu; luna gre v ščip, je v ščipu* (Там же, 620—621). Булилович в своей книге приводит также хорут. *šip, žip* 'полнолуние', предполагая стяжение из *štip*, хорв. *usctar* то же, *uscra* то же¹⁰.

Существительное **щеп(ь)* 'убывание, ущерб месяца', представленное во множественной форме в наречии на *-шпях*, в аллегорической речи претерпело изменение: **на -щепях* → на *-шпях*. Ср. например, древнерусское *шѣтина* = *штина* вм. *шестина* 'шестая доля' (1576 г. — Срезневский III, 1606). Ср. также польск. *księżyc na zmianie, lub na zmianach* (множеств. число!) 'о меняющейся фазе месяца'¹¹, *księżyc na starych dniach* 'об убывающем месяце'¹², или же полесское обозначение ущерба месяца на *сходных днях*: "По этой же причине не рекомендуется сноваť и "на *сходных днях*", когда месяц на ущербе: "Нада сноваць крѣсна пад пѣўню, бо на *сходных днях* пагана: на *сходных днях* нада багата крѣснаў на аснову"¹³.

Наречие на *-шпях* значит еще и 'на рѣстанях, на распутьи, на перекрестке'... Здесь, вероятно, **щеп(ь)* — нечто расщепленное, разошедшееся, разошедшиеся дороги, собств. *расщеп*. Ср. родственное словен. *ščep* 'расщеп' (Хостник, 13).

Как же объяснить выражение *времечко на шпях* (о погоде)? Здесь нужно сказать, что народные представления о погоде тесно связаны с фазами месяца. Может быть, *времечко на шпях* — 'погода в дни ущерба месяца', или же — 'погода на перепутьи'?

Интересно, что в чешском языке есть глагол *vyštipil se (den)* — 'прояснился после пасмурного утра', который Махек относит к *třřbit se* 'проясняться (о небе)' (Махек², 626). Однако представляется возможным возвести его к праслав. **ščipati* 'щипать' и считать родственным др.-русск. *щепь* = *щепь* 'ущерб (о луне)'; т.е. день "прощипался", продрался сквозь пасмурность. Сюда же, вероятно, словен. *oščepāt* 'wyleszć'¹⁴; названия физического состояния человека и состояния погоды часто бывают одними и теми же. Ср. также блр. туров. *росшчэпїца* 'разверзтись, раскрытсь': Небо *рошчэпїлоса* (Тураўскі слоўнік 4, 328).

В одном из диалектных текстов, приведенных Л.И. Царевой в статье "Названия луны в русских народных говорах", читаем: "Першы нъраждаещца мьладик, тады бѣльшы, бѣльпы, тады пълнатá, патом пьлавйна, тады тритйна, а тады загнуряещца — виташок"¹⁵. Из контекста можно определить значение глагола *загнуряться* — это, видимо, — 'уменьшаться, ущербляться (о луне)', т.е. здесь образ изнуряющейся, ветшающей луны. Ср. псков. *ветшанѣтъ* 'илти на убыль (о луне)' ("Маладик идѣтъ да палнатá, а патѣм вѣтах панѣл, он уж *витчанѣе*" — Псков. словарь 3, 130), а также др.-русск. *охудѣти* 'уменьшаться' ("Видимъ по вся мѣца кончающуюся луну и *охудѣвшу*. XV в. — СлРЯ XI—XVII вв., 14, 88), лат. *luna senescit* 'луна на ущерб' при *senescō, -ere* 'стареть; хиреть, слабеть, ослабевать; терять силу; кончаться; меркнуть'¹⁶, лтш. *mėness dilst* 'луна (месяц) на ущерб' при *dilt* 'изнашиваться'.

В *загнуряться* мы можем выделить *-гнуряться*, в котором представлена протеза *g-*; ср. н.-луж. стар. диал. *rognuris* 'тонуть, погружаться', сербохорв. *gnjuriti* 'погружаться, окунаться' при н.-луж. *nuris* 'нырять' и т.д.¹⁷ Все эти глаголы восходят к праслав. **nuriti*, которое сближают с греч. *νυρεῖν* *νύσσει*, *νύω* 'киваю', др.-инд. *navatē, nāuti* 'оборачивается', лат. *niō, -ēre* 'кивать', *niūtō, -āre* 'качаться' (Фасмер III, 90).

Одна из фаз месяца 'новолуние' в олонекских говорах носит название *наперекрос* (Барсов I, XI). Это слово, приведенное в причитаниях Северного края Барсовым, может быть и опечаткой вместо *наперекрое* (русск. месяц *на-перекрое* переходит из полнолуния в четверть. — Даль³ III, 156). Возможно также, это свернутое предложение *месяц пошел наперекрос* — т.е. 'переходит к новолунию?' Если слово *наперекрос* действительно существовало в олонекских говорах, то в нем можно выделить слово **перекрос* в гипотетическом значении '*перерез, пересечение' и, далее *-крос* 'разрез'.

Имя *кросá* в предполагаемом значении 'раз' выделено В.А. Меркуловой в брянском фразеологизме *самья у кросу* — 'в самый раз, как раз'. Она допускает, что для имени *кросá* производящим глаголом является праслав. **kresati* 'высекать огонь, ударяя камень о камень', 'резать', 'ломать, бить, колотить', 'тесать', 'выдирать, полоть'. Далее она сравнивает с *кросá* ст.-чеш. *krosina* 'идол, кумир', производное от глагола *kresati* в значении 'тесать, придавать форму'. Для слова *кросá* ею предполагается следующий путь образования: **kresati* 'ударять кресалом по кремню' → **krosa* 'удар кресала по кремню', перен. 'раз'¹⁸.

Здесь нужно добавить, что в рязанских говорах встречается наречие *крос* в значении 'нормально, как должно быть': ("Ну вѣт, касяк уш гатѣв (у плотника), пыдагна́тъ йаѣ и са́май крос". — Ванюшечкин I (А—И), 193), т.е. *са́май крос* — 'самый раз'. В тех же рязанских говорах Ванюшечкиным записаны наречия *вкрос* (*х крос*) и *вкрѣсу* (*х крѣсу*) в значении 'редко, изредка' ("Да *х вкрѣсу* дагляды́у зы твайми ребятыми, пушпáй дакѣль игра́ют." — Там же, 68), т.е. "раз от разу".

У имени *крос(á)*, видимо, было также значение 'разрез', возможно,

оно было первоначальным, а затем уже 'отрезок времени, раз'. Сюда же, возможно, относится и блр. диал. *króski* 'маленькие караван' (< 'краюха, ломоть, кусок хлеба?'), которое авторы Этимологического словаря белорусского языка предположительно возводят к **кroхki* и сравнивают с *круха*₂, праслав. **kruхъ* 'хлеб'¹⁹.

С *наперекрос* 'новолуние' можно сравнить семантически рус. *на-перекрое* (о месяце) 'переходит от полнолуния в четверть', приведенное выше, а также укр. *перекій* в значениях 'разрез' и 'луна во второй четверти' (Гринченко III, 122), образованные от глагола **krojiti*. Ср. еще у А. Афанасьева: "Форма полумесяца невольно навредила фантазию на думу о рассеченном его лике, в наших областных наречиях умаляющийся после полнолуния месяц называется *перекрой* (от *кроить* — резать)"²⁰. Ср. еще в польских говорах образованное от глагола *skrajać* 'нарезать' название последней четверти луны *skrajka*. Вот что пишет об этом В. Купишевский: "Od czasowników skrajać, krajać, skrawać pozostały nazwy skrajka (księżycza), skrajeczka, krawka, skrawka. ...W języku słoweńskim znane są: krājec, krājček 'ćwierć księżycza' Plet., także w gwarach słoweńskich p̣ṛvi krājec (w Kosatec), p̣ṛvə kráic (w. Rybnica), krajc (w. Križe)"²¹.

Почему же новолуние связано с разрезом, перерезом? Оказывается, под новолунием понимают не только время, когда луна не видна с земли, но и время, когда виден узкий серп (перерезанная луна). Таким образом, *идти наперекрос* — 'появляться о новой луне в виде узкого серпа'?

Купишевский, анализируя названия лунных фаз, в частности, новолуния, приводит полесское название *на тежách* и укр. (харьк.) *на perechodi*²². Ср. также полесское название дня — *переступны* 'безлунный день перед появлением молодого месяца'²³. Возможно, что *идти наперекрос* — о месяце — идти также на пересечение какой-то границы, меж между отсутствием месяца и появлением его в виде узкого серпа?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1868. II, 17.

² Шапкарев И. К. и Близнаев Л. Речник на самоковския градски говор // БД. 1967. III, 205.

³ Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1986. 439.

⁴ Картотека Словаря белозерских говоров. Череповецкий пединститут. Выписки В. А. Меркуловой.

⁵ Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны // Беларуская мова і мовазнаўства. Мінск, 1976. IV, 187.

⁶ Стойчев Т. Родопски речник // БД. 1965. II, 211.

⁷ См.: Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. I. // Этимология 1971. М., 1973. 11—12.

⁸ Шайтанов. Особенности говора Кадниковского уезда Вологодской губ. // ЖСт. Ч. 5. СПб., 1895. III—IV. 393.

⁹ Афанасьев. Указ. соч. 477—478.

¹⁰ См.: Будилович А. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным // Исследование в области лингвистической палеонтологии славян. Киев, 1878, I. 9.

¹¹ Kupiszewski W. Polskie słownictwo w zakresie astronomii i mair czasu. W-wa, 1974, 53.

¹² Там же. 50.

¹³ Владимирская Н.Г. Материалы к описанию полесских народных представлений, связанных с ткачеством. Снование // Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983. 236.

¹⁴ Бодуэн де Куртене. Терские славяне в север. Италии. 1873 г. Словарный материал. Архив АН СССР, ф. 102, оп. 1, № 11, л. 213.

¹⁵ См. Царева Л.И. Названия луны в русских народных говорах. // Русская речь. 1978. № 4. 94.

¹⁶ Дворецкий. Указ. соч. 700.

¹⁷ См.: Шустер-Шец Х. Славянские протезы в случаях зияния и их значение для славянской этимологии и исторической грамматики // См. настоящий том.

¹⁸ См.: Меркулова В.А. Восточнославянские этимологии I // Этимология 1979. М., 1981. 8.

¹⁹ Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1989. 5. 118.

²⁰ Афанасьев. Указ. соч., I. 76.

²¹ Kipiszewski. Указ. соч. 37.

²² Там же. 52.

²³ Толстая С.М. Полесский народный календарь / Материалы к этнодиалектному словарю. К—П. // Славянский и балканский фольклор 1986. М., 1986. 227.

Ж.Ж. Варбот

К ЭТИМОЛОГИИ СЛАВЯНСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'БЫСТРЫЙ' I (праслав. **skorъjъ*, **porokъ(jъ)*)

Хотя анализируемые ниже лексемы объединены как прилагательные со значением 'быстрый', из этого не следует, что в семантике всех данных слов этому значению принадлежит тождественное (центральное или исходное) место. Речь идет о лексемах, в отношении каждой из которых можно предполагать значение 'быстрый' в качестве хотя бы одного из элементов семантики. Выбор этих слов определен интересом к способам появления подобных славянских прилагательных, а именно — к путям развития значения 'быстрый' в прилагательных с иным первичным значением и к типам мотивации значения 'быстрый' при образовании прилагательных с семантикой 'быстрый' от лексем других частей речи. Две рассматриваемые ниже лексемы представляют, кажется, один тип мотивации.

**skorъjъ*

Праслав. **skorъ(jъ)* имеет следующие продолжения в славянских языках: ст.-слав. скорь таχύς, δέξυς, celer (скорь мстителъ, помощника скораго, скоры проповѣдатель, скорана словеса, Miklosich LP 848), болг. *скѡрыи* 'сделанный с поспешностью', *скѡра* 'быстро; немедленно; наскоро; недавно; не поздно' (Геров 5, 175—176), макед. *скор* 'быстрый' (Конески III, 215), с.-хорв. *skōri* 'быстрый; недавний; вкоре ожидаемый, близкий в будущем' (RJA XV, 281—282), словен. *skoren* 'быстрый; вспыльчивый, заносчивый; жестокий, суровый (о зиме)' (Pleteršnik II, 494), *skori*, *skoraj* 'быстро, почти' (там же), чеш. *skorý*, *skůrý* 'быстрый, проворный, ранний' (Kott III, 380), словац. диал.